

М. А. Воскресенская

ИСТОРИОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ТВОРЦОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье анализируются особенности осмысления исторического процесса в научной, философской и художественной мысли Серебряного века. Показано, что цель и содержание историософских размышлений не сводились к реконструкции исторических событий, а заключались в постижении духа и внутреннего смысла исторической эпохи. Автор приходит к выводу, что историософия Серебряного века носила типично романтический характер и была непосредственно связана с жизнетворческими интенциями своего времени.

М. Voskresenskaya

HISTORIOSOPHIC VIEWS OF THE CREATORS OF THE SILVER AGE

The article analyses the historical interpretations suggested by the scientific, philosophic and artistic works of the Silver Age. It is revealed that the object and matter of the historiosophic thought were not reduced to description of the historic events. They consisted of an attempt to comprehend the genius and the immanent spirit of a historic epoch. The author comes to the conclusion that the historiosophy of the Silver Age had typically romantic nature and was closely connected with the intents of creation of life.

Историософия Серебряного века — один из важнейших аспектов миропонимания культурной элиты российского общества рубежа XIX и XX столетий — носила ярко выраженный культурологический характер. С точки зрения представителей этой социокультурной среды, именно выявление глубинных оснований, смыслового единства культурно-исторической эпохи создает предпосылки для диалога между современным поколением и отзывавшимися голосами давно ушедших времен. Культура заключает в себе единство всех встречавшихся в истории форм знания, всей полноты накопленного человечеством исторического опыта. «...С понятием культуры», — разъяснял А. Белый, — «выявляется нечто, что не может измериться в отдельном знании. Здесь и философия, и история, и бытовое творчество рассматриваются на фоне того целого, того связующего, что неразлагаемо своими отдельными частями. И этим связую-

щим является именно та жизнь, которую мы можем назвать жизнью человеческого сознания»¹. Культурное единство, как подчеркивал мыслитель, отнюдь не механическая совокупность отдельных, разрозненных сфер сознания. Оно основано на глубинных внутренних соответствиях между философией, психологическим климатом, формами искусства, языком науки той или иной эпохи, собственно и определяющих ее специфику². Культура — это «сознание сознания», дух и смысл исторического движения человечества³.

Вяч. Иванов в известном эпистолярном диспуте с М. О. Гершензоном отказывается воспринимать культуру как музейное собрание древностей или сведений о прошлом: «...Культура, в ее истинном смысле, для меня вовсе не плоскость, не равнина развалин или поле, усеянное костями»⁴. В размышлениях философа она предстает как «живая, вечная память»⁵, живой дух прошлого, которым питается настоящее.

Культура в историософских построениях мыслителей и художников Серебряного века выступает как основной фактор общественного развития. В истории их интересовали конечные судьбы человечества и смысл человеческого существования, а не умозрительные социологические закономерности. А. Блок подчеркивал, что его историческая концепция «возникла под давлением все растущей... ненависти к различным теориям прогресса»⁶. Человеческая личность перестала трактоваться исключительно носителем и средоточием различных общественных связей, она разрасталась до метафизической всеобщности, что требовало соответствующих форм и способов ее осмысления. По глубокому замечанию Е. Эткинда, «понять человека социального можно лишь исторически — в изменениях общественных структур, в эволюции классовых отношений. Метафизического человека история объяснить не в состоянии — тут нужна философия и связанная с нею теология»⁷.

Серебряный век не отказался от историзма, но устранил из него социологическую доминанту. Это отвечало неоромантическому характеру мировидения его творцов. Мироощущение эпохи не могло не сказаться на историософских представлениях культурной элиты. Возросший в обществе интерес к истории, вполне объяснимый, учитывая переломный, кризисный характер порубежья, нашел свое выражение не только в собственно историографической практике, но и в философской мысли «русского ренессанса», и в художественном творчестве Серебряного века.

На рубеже XIX—XX вв. в мировой науке несколько пошатнулись позиции позитивизма, претендовавшего на роль ведущей, если не единственной, общенаучной методологии. В историческом познании появляются новые исследовательские стратегии и концепции. В частности, наряду с социологическим подходом к изучению исторической действительности форми-

руются культурологические объяснительные модели. В трудах Л. П. Карсавина, П. М. Бицилли и других ученых исследовательский интерес сосредоточен на культурных механизмах истории, психологических факторах общественного развития, особенностях внутреннего мира человека⁸. В этом смещении эпистемологических акцентов с внешне-событийной истории на внутренне-смысловую явно просматривается следствие наблюдавшегося в то время в русском обществе процесса эмансипации личности и мощного развития в русской культуре того периода романтической традиции.

В религиозной философии «русского ренессанса» ведущей историософской концепцией стала идея всеединства в Богочеловечестве, интерпретируемого как цель и смысл всего исторического движения, направляющей силой которого выступает духовное совершенствование личности и общества. Мыслители Серебряного века отказывались понимать христианство исключительно как религию личного спасения. Христианство, по их мнению, должно освятить историческое творчество человечества. История, понимаемая как творчество, отождествлялась с всечеловеческой культурой: «Ежели последняя цель христианства — дело не одного личного спасения, но и спасения всеобщего, всечеловеческого, которое достигается в процессе всемирной истории, то нельзя не признать, что последний христианский идеал *Богочеловечества* достижим только через идеал *всечеловечества*, т. е. идеал вселенского, все народы объединяющего просвещения, вселенской культуры», — писал Д. С. Мережковский⁹.

Поисками духовных оснований бытия отмечена и культурософия А. Белого, в размышлениях которого суть исторического развития составляет раскрытие культурных смыслов существования человечества, становление различных форм сознания и мироощущения¹⁰. Н. А. Бердяев в тех же культурологических координатах обос-

новывал антропологический характер исторического познания: «Темой истории ...является судьба человека в земной человеческой жизни». Н. А. Бердяев, равно как и А. Белый, не был, строго говоря, историком, но все его философское творчество, в сущности, имело историософский характер, строилось на осмыслении исторических судеб России и всего человечества. Философ сам указывал на то, что первостепенное внимание в своих размышлениях он уделяет истории национального самосознания, т. е. сферы хранения, передачи и сотворения духовных ценностей народа как исторического целого¹².

Обращение к исторической проблематике в художественном творчестве той поры представляло собой не воссоздание драматических событий прошлого, а скорее его поэтизацию. Картины языческой Руси в музыке И. Стравинского и живописи Н. Рериха, иконные лики «опер-картин» М. Нестерова, античные реминисценции Вяч. Иванова или М. Врубеля, средневековые образы В. Брюсова, концепция Возрождения Дм. Мережковского свидетельствуют о том, что минувшее в изображении творцов Серебряного века — лишь повод для философских или мифопоэтических размышлений о вечном, непреходящем в человеческой природе.

Не случайно именно этой культурной эпохой было заново открыто богатейшее духовное наследие России, воспринятое при этом творчески, а не с целью этнографической реконструкции или социологического анализа. Это подчеркивал еще А. Блок: «Если в XIX столетии все внимание было обращено в одну сторону — на русскую общественность и государственность, — то лишь в XX в. положено начало пониманию русского зодчества, русской живописи, русской философии, русской музыки и русской поэзии»¹³. В искусстве и литературе критического реализма не было обращения к национальной художественной традиции. «Народное» понималось только в общемировоззренческом

плане, как воплощение социальных интересов угнетаемого народа. «Народность» отождествлялась с критическим отношением к современности. Культурная элита рубежа веков протестовала против понижения народа как «простонародья»¹⁴. Н. А. Бердяев подчеркивал: «Русскую самобытность не следует путать с русской отсталостью»¹⁵. Народнический пафос сострадания к «униженным и оскорбленным» невозможно не разделить, но он не достаточен для того, чтобы по-настоящему понять душу народа. Однако этим пониманием как раз и наполнено искусство Серебряного века: достаточно вспомнить живописные образы братьев Васнецовых или музыку С. Рахманинова, в которой без всякого фольклорного цитирования каждый звук «дышит» Русью.

Произведения художников и литераторов Серебряного века, воссоздающие образы и картины прошлого, уместнее было бы назвать не «историческими», а «квази-историческими». Не важно, демонстрировали ли их авторы, подобно В. Брюсову или Вяч. Иванову, широчайшую историческую эрудицию, основанную на скрупулезном изучении эпохи, или, подобно Д. Мережковскому, допускали множество неточностей, основным содержанием этих опусов были историософские размышления, а не собственно исторические события или деяния исторических личностей. Их создателей в истории интересовал сам дух эпохи, который передавался с помощью стилизации, т. е. «принципа смысловой ассоциации»¹⁶. Картины языческой Руси Н. Рериха или античные мифологические образы Л. Бакста и Вяч. Иванова не имеют ничего общего с этнографической или археографической реконструкцией. М. Врубель интерпретирует античную тематику совершенно иначе, чем академики или классицисты. Он стремился воплотить не рассудочные нормы жизни и красоты, а витальный дух, хаос творящей жизни, хотел передать впечатление о дионисийском буйстве жиз-

ценных стихий, определявшем для него духовный облик античности. Поэтому он обращался к архаичному кругу образов, вроде Пана, а не к холодному совершенству эллинской и римской скульптуры или назидательным сюжетам мифов. Те же интенции питали дионисизм Вяч. Иванова, блестящего знатока античной истории и культуры¹⁷.

Историософия эпохи модерна носила типично романтический характер. Исторический процесс мыслился как бесконечный ряд сменяющих друг друга культур, каждая из которых являет собой замкнутую систему, проходит завершённый цикл развития: зарождение, расцвет, угасание. Не социальные битвы составляют содержание истории, а извечная борьба двух абсолютных начал — Добра и Зла как метафизических величин, заложенных в неизменной природе вещей¹⁸. Историей движут предвечные, внеисторические силы. История предстает как нескончаемое становление и круговращение, направляемое надчеловеческой и надприродной волей. Эта историософская концепция обрела у А. Блока образно-поэтическое выражение:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами сумрак неминуций
Иль ясность божьего лица¹⁹.

Блоковская тема возмездия обычно трактуется очень узко: как возмездие революционного народа оторвавшейся от него интеллигенции. Думается, историческое мышление А. Блока было более масштабным. Возмездие — это извечное отрицание «старого, скучного мира», повторяющееся в каждом новом поколении. Юность, стремящаяся «ухватиться ручонкой за колесо, движущее человеческую историю»²⁰, воздаёт возмездие, быть может, самому времени, всему, уже в нём свершившемуся и уходящему.

Творцы Серебряного века не слишком интересовались суетными сиюминутными проблемами. Каждое частное, локальное событие они рассматривали на фоне

Вечности. Их историософские и историко-художественные опыты — это поиски вневременных смыслов человеческого существования. Не случайно их излюбленными историко-культурными формами были Восток, античность, средневековье, славянское язычество. Они возвращались к опыту мифопоэтических представлений, к праискусству в поисках средств, методов, художественных приемов, устраняющих ощущение конкретного времени и места. Самым существенным при этом было обнаружить присутствие неизменного в преходящем. По глубокому замечанию К. Г. Исупова, «вечные события метаистории в составе современности соотносены как внутреннее и внешнее, логическое и историческое, бытие и существование, символическая реальность события и смысловая конкретность происходящего»²¹. Меняются лишь внешние атрибуты — время и место действия. Но разворачивающиеся в этих конкретных условиях события не самодостаточная данность, а лишь манифестация и символизация некоторого сверхчеловеческого замысла, а великие исторические личности лишь орудие в руках слепого рока. При этом духовные (культурные) процессы составляют реальное наполнение истории, а материальная жизнь общества и индивида — явление вторичное.

Время переживалось представителями этой социокультурной среды метафизически: тайны прошлого прочитываются в каждом мгновении современности, прошлое может быть заново пережито через творения искусства, литературы, архитектуры. Поскольку культурное наследие понималось в широком плане — как живая память, то, в традициях романтизма, творцы Серебряного века своим внутренним достоянием считали весь духовный опыт человечества. Они, по словам Е. В. Ермиловой, «погружаются в античность, в мифологию северных и восточных народов, обращаются и к собственным, славянским корням и к современному народному

творчеству. Острый и по-разному направленный интерес вызывают искусство средневековья. Ренессанса, „петербургский“ период русской истории, переосмыслению подвергаются „вечные“ образы европейского искусства, отчасти уже трансформировавшиеся в русской литературе, „вросшие в ее почву“²¹.

В истории творцов Серебряного века особенно привлекали эпохи перехода из одного общественного и духовного состояния в другое. Их исторические романы, как правило, погружают читателя в ситуацию столкновения мировоззрений: языческого и христианского, средневекового и ренессансного... В центре историософских размышлений Д. С. Мережковского оказалась борьба Христа и Антихриста, которой он посвятил знаменитую трилогию «Христос и Антихрист». В переломные моменты истории эта борьба достигает высшего напряжения. Писатель выбран три таких момента: эпоху раннего христианства в Римской империи IV в., эпоху Возрождения в Италии XV—XVI вв. и время петровских преобразований в России первой четверти XVIII века. С образами Христа и Антихриста Мережковский связывал два типа мировосприятия, предполагающих различные системы моральных ценностей. Мыслитель видел в христианстве чрезмерность духа, а в эллинизме — чрезмерность плоти²¹. Его идеал — одухотворение шюти, синтез христианства и язычества, снимающий противоречия между ними. Д. С. Мережковский осмысливал эпоху противостояния язычества и христианства под знаком предустановленных метафизических универсалий, как проявление извечной борьбы «двух бездн» в человеческом самосознании, в истории и культуре.

В. Я. Брюсов в античном романе «Алтарь Победы» и его незаконченном продолжении «Юпитер Поверженный» также обращался к переломной исторической эпохе противоборства сдающего свои позиции язычества и набирающего силы христианства²⁴. Свой замысел он рассмат-

ривал как альтернативу исторической концепции Д. Мережковского. В. Брюсов раскрывал идею исторической стадильности, цикличности развития. Он стремился донести до читателя мысль о равнозначности и относительности любых религиозных или культурных ценностей и истин. Каждая культура, по мысли писателя, переживает периоды становления, расцвета и распада. Античная языческая цивилизация, целиком раскрыв заложенный в ней внутренний потенциал, исчерпала себя, и именно в этом главная причина ее смены христианским типом цивилизации. Характерно, что в христианстве IV в. В. Брюсов видит прежде всего моральную и политическую силу молодой религии, способной к саморазвитию, а не воплощение абсолютной незыблемой истины на все времена. Недаром в «Юпитере Поверженном» христианский священник говорит о том, что и истина христианства по прошествии времени будет заменена какой-то иной, еще более возвышенной истиной²⁵.

Римские романы В. Брюсова в художественной форме утверждают концепцию роковой неизбежности смены культур, вызревание одной в недрах другой, их таинственную общность. Идея преемственности и смены культур, раскрытая В. Брюсовым, дополняет идею извечной борьбы абсолютных сил добра и зла, выдвинутую Д. Мережковским. Обе концепции — романтические по духу. Несмотря на видимое разногласие, взгляды обоих писателей утверждают романтическую парадигму историософии Серебряного века.

Свершавшиеся в истории события служили прежде всего поводом для осмысления современности. К примеру, роман В. Брюсова «Огненный ангел»²⁶, воссоздающий атмосферу Германии XVI в., пронизан духом живой современности не только из-за присутствия в сюжете автобиографического подтекста, но и благодаря чертам топологического сходства Германии эпохи Реформации с Россией, подошедшей

в начале XX столетия к историческому рубежу. Роман демонстрирует характерное символистское восприятие действительности: здесь отсутствует интерес к политическим событиям, на которые была чрезвычайно богата описываемая историческая эпоха. Герой их словно бы не замечает, погрузившись в мир искусства, литературы, метафизических раздумий и собственных чувств. Происходящее вокруг видится ему как смена культур, т. е. духовных, а не социально-политических или экономических укладов. «Новые люди» — гуманисты — в его восприятии являются носителями нового мышления, которое совершенно не связывается с какими-либо определенными классовыми силами, оставаясь феноменом сугубо духовного порядка.

По аналогии с этим культурным переломом В. Брюсов впоследствии примет и исторический катаклизм русской революции. Для него это было завершение грандиозного культурного цикла:

Друзья! Мы спустились до края!²⁷
Стоим над разверзнутой бездной...

Деятели «русского культурного ренессанса» было свойственно окрашивать свои историософские представления в эсхатологические тона. Под воздействием словьевского учения о духовном перерождении мира они осмысливали всю историю и культуру человечества как единую фазу развития цивилизации, как огромный завершённый цикл перед переходом человечества и всего мироздания в новое, идеально-духовное качество. Такое понимание истории находит свое обоснование в художественных и теоретических произведениях Д. С. Мережковского (трилогии «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», циклы статей «Грядущий Хам» и «Больная Россия»), Вяч. Иванова (статьи из сборника «По звездам», драма «Прометей»), А. Белого (роман «Петербург»). Мысль о кризисе современного миропорядка и идущей ему на смену новой формы человеческого об-

щезития — Мировой Общины — стала основным тезисом цивилизационных воззрений Н. К. Рериха. Оригинальным выражением историософии того времени можно считать замысел Мистерии А. Н. Скрябина.

О масштабности апокалипсического мышления культурной эпохи свидетельствует дневниковая запись, сделанная А. Блоком в предчувствии грядущих катастроф: «Скука — потому что это не конец мира, а только исторического процесса»²⁸. Такой же грандиозной виделась картина приближающихся исторических катаклизмов и Н. А. Бердяеву: «Апокалиптические предчувствия нашей эпохи знаменуют мировой кризис, переход к новому космическому периоду. Все приходит к концу в старом мире, на всех линиях выявляется предельное и конечное. Незримо и катастрофически зреет новое сознание, новая жизнь, не выводимая эволюционно из жизни старой. И индивидуальный человек, и все человечество и весь мир переживает апокалипсис, в нем совершается судьба всякого бытия»²⁹. Осознание исчерпанности, завершенности определенного исторического периода воспринималось как окончание исторического движения вообще, за пределами которого мир ждет принципиально иное существование. Д. С. Мережковский констатировал: «Вся дорога пройдена, исторический путь кончен — дальше идти некуда, но мы знаем, что, когда кончается история, начинается религия. У самого края бездны необходимо и естественно является мысль о крыльях, о полете, о сверх-историческом пути — о религии»³⁰.

В своих историософских размышлениях Серебряный век искал ответы на «проклятые» вопросы эпохи и иуга решения самых насущных ее проблем. Конечной целью истории российская культурная элита рубежа XIX—XX столетий мыслила духовное перерождение мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белый А. *Философия культуры* // Белый А. *Душа самосознающая*. — М.: Канон+, 1999. — С. 502.
- ² См.: Белый А. *Проблема культуры* // Белый А. *Символизм как миропонимание*. — М.: Республика, 1994. — С. 24.
- ¹ См.: Белый А. *Философия культуры*. — С. 504—505.
- ⁴ Иванов Вяч., Гершензон М. *Переписка из двух углов*. — М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. — С. 42.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Блок А. А. *Возмездие* // Блок А. А. *Собрание сочинений: В 8 т.* — М.; Л.: ГИХЛ, 1960. — Т. 3. — С. 298.
- ⁷ Эткинд Е. *Единство «серебряного века»* // Звезда. — 1989. — № 12. — С. 189.
- ⁸ См., напр.: Карсавин Л. П. *Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв.* — СПб.: Алетей, 1997. — 421 с; *Он же*. *Философия истории*. — СПб.: АО «Комплект», 1993. — 351 с; *Бицилли П. М.* *Элементы средневековой культуры*. — СПб.: Мифрил, 1995. — XXVII+244 е.; *Он же*. *Место Ренессанса в истории культуры*. — СПб.: Мифрил, 1996. — XIV+256 с; *Он же*. *Очерки теории исторической науки*. — Прага: Пламя, 1925. — 339 с.
- ⁹ Мережковский Д. С. *Теперь или никогда* // Мережковский Д. С. *Большая Россия*. — Л.: Изд-во Ленинград, ун-та, 1991. — С. 53.
- ¹⁰ См., напр.: Белый А. *История становления самосознающей души* // Белый А. *Душа самосознающая*. — С. 62—476; *Он же*. *Тезисы 12-ти лекций (курса, прочитанного в 21 -м году на тему «Самосознание как история»* // Там же. — С. 478—487; *Он же*. *Философия культуры* // Там же. — С. 488—516; *Он же*. *Культура как проблема духа* // Там же. — С. 524—530; *он же*. *Пути культуры* // Там же. — С. 531—536.
- ¹¹ Бердяев Н. А. *Смысл истории*. — М.: Мысль, 1990. — С. 21.
- ¹² См.: Бердяев Н. А. *Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века* // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 56—57.
- ¹³ Блок А. А. *Судьба Аполлона Григорьева* // Блок А. А. *Собрание сочинений: В 8 т.* — М.; Л.: ГИХЛ, 1962. — Т. 5. — С. 487.
- ¹⁴ См., напр.: Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. — М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. — С. 100-102.
- ¹⁵ Бердяев Н. А. *Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности*. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 58.
- ¹⁶ Турнин В. С. *Эпоха романтизма в России*. — М.: Искусство, 1981. — С. 403.
- ¹⁷ См., напр.: Иванов В. И. *Эллинская религия страдающего бога*. СПб.: Оры, 1909; *Он же*. *Ницше и Дионис* // Иванов В. И. *По звездам: Опыты философские, эстетические и критические*. — СПб.: Оры, 1909. — С. 1-20.
- ¹⁸ См., напр.: Лосский Н. О. *Бог и мировое зло*. — М.: Республика, 1994.
- ¹⁴ Блок А. А. *Возмездие* // Блок А. А. *Собрание сочинений: В 8 т.* — М.; Л.: ГИХЛ, 1960. — Т. 3. — С. 301.
- ²⁰ Там же. С. 299.
- ²¹ Исупов К. Г. *Русская эстетика истории*. — СПб.: Изд-во ВГК, 1992. — С. 93.
- ²² Ермилова Е. В. *Теория и образный мир русского символизма*. — М.: Наука, 1989. — С. 149.
- ²³ См.: Мережковский Д. С. *Смерть богов (Юлиан Отступник)* // Мережковский Д. С. *Полное собрание сочинений: В 24 т.* — М.: И. Д. Сытин, 1914. — Т. 1. — 336 с.
- ²⁴ См.: Брюсов В. Я. *Алтарь Победы* // Брюсов В. Я. *Собрание сочинений: В 7 т.* — М.: Художественная литература, 1973. — Т. 5. — С. 7—408; *Он же*. *Юпитер Поверженный* // Там же. — С. 411-542.
- ²⁵ См.: Брюсов В. Я. *Юпитер Поверженный*. — С. 525.
- ²⁶ См.: Брюсов В. Я. *Огненный ангел* // Брюсов В. Я. *Собрание сочинений: В 7 т.* — Т. 4. — 351 с.
- ²⁷ Брюсов В. Я. *«Свиваются бледные тени...»* // Брюсов В. Я. *Собрание сочинений: В 7 т.* — Т. 1. — С. 88.

Восприятие фантастического в произведениях Н. В. Гоголя и П.Мериме

²⁸ Блок А. А. Дневники // Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. — Т. 7. — С. 67.

²⁹ Бердяев Н. А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Н. Бердяев о русской философии. — Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1991. — Ч. 2. — С. 142.

³⁰ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский: Исследования. Жизнь и творчество // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: В 24 т. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 8—9.